

18+

Евгения Черноусова
УТЯТИНСКИЙ ДЕМОН

Евгения Черноусова

УТЯТИНСКИЙ ДЕМОН

«ЛитРес: Самиздат»

2019

Черноусова Е.

Утятинский демон / Е. Черноусова — «ЛитРес: Самиздат», 2019

Внезапно её настигает болезнь. И она почти примирилась с неизбежным. Может быть, вернуться в родной город? Маленький курортный городок, где вспоминаются страшилки из детства. Но если раньше они существовали только в детском фольклоре, то теперь выползли на страницы желтой прессы. И вот демон перед ней: не то впрямь нечистая сила, желающая купить бессмертную душу, не то инопланетянин, который хочет воспользоваться её энергией, не то просто болезненный сон. Но взамен предлагается излечение! А она пускается в бега...

© Черноусова Е., 2019

© ЛитРес: Самиздат, 2019

НА БОСУ НОГУ

– Женщина, вы будете что-нибудь брать?

Татьяна Ивановна очнулась. Оказывается, все это время она стояла у киоска Роспечати и тупо пялилась на прилавок. Смутившись, она решила что-нибудь взять. Глаза зацепились за знакомое название.

– Тут я что-то видела об Утятине...

– Все пишут об Утятине.

– Да? – слабо удивилась Татьяна Ивановна. – Так подберите всё.

Тон киоскера заметно смягчился.

– Ну, вот «МК», «Губернская»... Нет, это перепечатка из «Жизни». «Странности» возьмите и «Звездопад»... нет, это тоже перепечатка. «Новости недели»... тоже оттуда. «Мир мистики», «Скандальный бульвар». Все остальное – из «МК». С вас сто десять.

Сунув газеты под клапан сумки, Татьяна Ивановна зашагала к кассе: «Конечно, в Утятин! Как я сразу не подумала».

Когда подошла к кассе, вспомнила, что впопыхах сунула паспорт в наружный карман сумки. Открыла его и опешила: это был паспорт Маргаритки: «Ну, съездила на родину!» Рука продолжала машинально обшаривать сумку и наткнулась на собственный паспорт. Татьяна Ивановна перевела дух: не любила менять планы.

Прихрамывая, она заковыляла на перрон. Выходя из дома за сметаной, она надвинула туфли на босу ногу. А вернувшись и поспешно собирая сумку, про носки забыла. И теперь пятки огнем горели. Но искать торговлю по вокзалу уже не было сил. Подумала: «Ладно, на 88-м куплю».

Через полчаса она уже сидела на боковой нижней полке плацкартного вагона. Задвинув сумку под ноги, решила наконец-то почитать, что пишет пресса о родном Утятине. Развернула один еженедельник. На полстраницы коллаж: над кладбищенскими воротами в виде облака парит какой-то монстр. Пробежала глазами по тексту: ужас! Якобы каждый утятинец имеет возможность «заказать» своего соседа, ступив на Крипту босыми ногами и высыпав на землю все деньги, имевшиеся у него в наличии в данный момент. Вся эта дурь была изложена с использованием непонятных Татьяне Ивановне слов «эгрегор», «эманация», «крипи» и т.д. И подписана Алиной Туминской. Знала Татьяна лет 35 назад одну Туминскую, корреспондента областной комсомольской газеты. Помнится, пренеприятная тогда история случилась... Впрочем, этой тетке лет 70, поди... Да, точно, и звали ее Александрой. Воспоминание о той давней истории окончательно испортило настроение Татьяны Ивановны. Бросив газеты на столик и взяв из сумки пакет со спортивным костюмом, она пошла переодеваться. И новая неприятность: костюм оказался не ее, а тот, что купила Гайде и собиралась завтра подарить. Хотя в последние недели Татьяна Ивановна сильно похудела, до 48 размера ей было еще далеко. Раздосадованная вконец, она постелила постель. Вокруг народ гомонил, дети бегали, заснуть было невозможно. И она снова взялась за чтение. Вот еще одна газета. Судя по названию, вроде бы, тон изложения должен быть иным.

«Маньяк в Утятине?»

Районный центр Утятин возник еще при «тишайшем» Алексее Михайловиче. Счастливо избежав переименований, он не слишком изменился за последние 350 лет. Правда, на узких дорогах города можно встретить теперь не только «Лады» и «Москвичи», но «Лексусы» и «Хаммеры». Вольно раскинувшийся на берегах озера Утинога, город привлекает взоры неровным рельефом, зеленью садов и уютными домиками. Появились в последние годы особняки красного и желтого кирпича, окруженные кирпичными же оградами. Строиться нувориши предпочитают поближе к воде. На берегу реки Чирок, где раньше паслись козы да щипали травку гуси, возник целый поселок. В народе такие резервации зовут где Рублевкой, где Подем чудес, где Беверли-Хиллз. А в Утятине – Хамские выселки.

Чего стоят старинные названия Уятитина! Поделенный некогда на ремесленные слободы, он и сейчас хранит их названия: Кожевники, Кузнецы, Ветошники, Огородники. И самые распространенные фамилии в городе Кожевниковы, Кузнецовы, Огородниковы. Только Ветошниковы почему-то не прижились в Уятитине. Краеведы с удовольствием познакомят вас с уятитинской топонимикой: почему крутая часть улицы Горького называется Финансовой горой, а спуск к мосту через протоку между двумя частями озера Утиногo – Кайловой горой; почему голый холм за Чирком называется Маяком, а самая верхняя часть городского кладбища – Криптой. Собственно, это кладбище и стало причиной Уятитинской сенсации.

Все началось в Уятитинской школе №2. К слову, в Уятитине всего две школы. Только первая именуется гимназией. Однако самый умный ученик учится во второй школе. Знакомьтесь: это Саша Огородников, ученик восьмого класса. Еще дошкольником он увлекся астрономией. В последние годы он наблюдал пятна на солнце. И теперь задумал изучить влияние активности солнца на здоровье своих земляков. Сашин папа – районный офтальмолог, поэтому мальчик легко получил доступ к медицинской статистике. Откровенно скажу, из умных пояснений исследователя я не очень поняла, в какой степени подтвердилась его гипотеза. Зато вскрылось весьма странное обстоятельство: почти все насильственные смерти пришлось на второй день убывающей Луны. Мальчик успел копнуть статистику за 2 года. Когда юный ученый обратился к статистике соседнего райцентра (тут ему тоже папа помог), никакой закономерности он в ней не обнаружил. Тогда он вновь решил вернуться к статистике родного города и заглянуть на несколько лет назад, но не тут-то было. Саша промежуточных итогов своего исследования не скрывал, слухи распространились, и канал информации ему перекрыли. Надо думать, получил втык от райздрави или облздрави папа, потому что, ранее с удовольствием рассказывавший об успехах сынишки, он с некоторых пор как в рот воды набрал. Отмалчиваются и его коллеги. Мне удалось поговорить только с бывшим участковым терапевтом К., в прошлом месяце ставшим жертвой борьбы с коррупцией. Оказавшись не у дел после того, как у него изъяли прямо на рабочем месте несколько помеченных не самых крупных российских купюр, К. с тех пор, кажется, еще не пришел в себя. Во всяком случае, вопросов моих он почти не слышал, начиная каждый ответ со слов «К-кой бльничный?» И только на вопрос «Вы не находите, что от вашей больничной статистики отдает мистикой?» он, коротко хохотнув, внятно произнес: «Какая мистика? Это серия!» – после чего закрыл глаза и отключился.

И тогда я подумала: а стоит ли искать черную кошку в темной комнате, если ее там нет? Может быть, за этой страшной статистикой таится какой-нибудь маньяк, на которого влияют фазы Луны? Считайте это официальным запросом в адрес районной прокуратуры!

Кристина Петрова».

Татьяна Ивановна еще раз перебрала газеты и обнаружила еще одну статью Кристины Петровой. Здесь в качестве иллюстрации картина Алексюты и на ее фоне кучка то ли панков, то ли готов.

«Уятитинский Демон: истерия вокруг истории

По городу ходят упорные слухи, что проснулся кладбищенский демон, не беспокоивший Уятитин уже лет 90. Легенду о демоне вам расскажет любой из горожан, если он умеет говорить.

Воспользуемся материалами районного краеведческого музея. В зале уятитинского быта над старинным роялем, освещенная двумя стилизованными под старину вполне себе современными электрическими светильниками, висит картина местного художника П.Л.Алексюты. На старинной позолоченной багетной раме приклеен ярлык цвета пергамента, на котором читается надпись: «Из фондов Уремовского краеведческого музея. 1919. П.Л.Алексюта «Уятитинский демон». Экскурсовод, подводя группу к этой экспозиции, обязательно расскажет, каких трудов стоило возвращение картины из фонда областного краеведческого музея на родину. Но взгляните на картину. В вечерних сумерках – легко узнаваемый вид на Уятитинское кладбище. Только над кладбищем на крутом холме высится храм, которого давно уже нет. От купола по

стене змеится трещина, сквозь которую наружу пробивается багровый свет. А ниже храма на кладбищенском холме клубится какое-то черное облако, из которого на вас устремлен чей-то взгляд. Не знаю, как на других зрителей, а на меня, человека здравомыслящего и не суеверного, картина произвела гнетущее впечатление.

Вот история храма. Прежде на месте нынешнего кладбища стоял Краснохолмский Озерский Архангельский монастырь. По преданию, жизнь на месте будущего монастыря начал монах из Киева приблизительно в конце XVI – начале XVII века. Ему во сне явилась Царица Небесная и повелела отправиться к Утиному озеру и указала место для будущего монастыря – на Красном Холме. Первой обителью монаха стала вырытая им в холме пещера. Вскоре о монахе стало известно хозяину этой земли – казаку Федосу Кайло, который решил превратить Красный холм в Божий холм – основать здесь святую обитель. Весть об этом вскоре облетела города и веси, и к первому поселенцу стали присоединяться желающие посвятить свою жизнь Богу. Со временем там был построен храм из ивняка, посвященный Михаилу Архангелу, но простоял он недолго. В 1680-1689 годах был построен деревянный Архангельский храм. Он стоял на самой вершине холма и, освещенный солнцем, отражался в Утином озере. Кельи располагались на уступах Красного холма. А вокруг храма хоронили усопших монахов. Мирское же кладбище для жителей ремесленных слобод, образовавшихся на другой стороне озера, было далеко от монастыря, на пологом берегу. Первая легенда об Утятинском Демоне гласит, что в царствование Петра Великого в монастырь прибыли некие богатые гости. Якобы были это внуки и наследники владельца этих земель Федоса Кайло, Петр и Григорий Кайло и их двоюродный брат Федос Огарыш. Григорий умирал от ран, полученных «не в ратном поле» (разбойничали, видно, братаны). И завещал похоронить себя у храма, и заказал себе в монастыре «вечный помин». Игумен не посмел отказать лихим гостям, и могилу для разбойника вырыли у стен храма. В тот же час сделался «шум велик», началась гроза, ливень. Ненастье продолжалось три дня и три ночи, да такое, что ни монахи, ни миряне не смели носа высунуть на волю. На четвертый день оказалось, что вода подступила к кельям, а противоположный высокий берег, по которому из посада вилась дорога к мосту через протоку, обрушился. Каким-то образом смыло могильный холмик над разбойником и исчез крест. Петр повелел вновь установить крест, что и было исполнено. Непогода возобновилась, но на этот раз могила оказалась разрытой, а гроб исчез. Переправившиеся на лодке к монастырю горожане донесли, что гроб таинственным образом оказался на их кладбище. Петр не внял гласу неба и повелел доставить гроб к монастырю и похоронить покойника на прежнем месте. Как и положено в сказках, третий раз оказался последним. В ту же ночь молния ударила в храм, и он сгорел дотла. Налетевшая буря разнесла головешки, сгорели и кресты на могилах, и кельи, и все хозяйственные постройки. Разорение довершил ливень: холм смыло чуть ли не наполовину. Мало того, пострадало и городское кладбище. Большая часть его сползла в озеро и стала островом.

Монастырь упразднили. Монахи разбрелись по другим монастырям. Затем храм был построен на прежнем месте, и вокруг него возник девичий монастырь. Городское кладбище обустроили у подножия Красного холма, который, правда, стали звать в народе Гришкиным. А сообщение с монастырем стало возможным только на лодках. Много раз пытались проложить дорогу к протоке, через которую раньше был мост, но каждый раз отступались: склон был гранитным. Вдруг появился постаревший раскаявшийся Петр Кайло, отстроил мост и стал жить под ним. Питался акридами и медом, молился и пробивал дорогу в граните. Когда через тридцать лет труд был завершен, Господь его простил и упокоил с миром у подножия холма имени брата. И на сто без малого лет на кладбище воцарился покой. При государыне Екатерине девичий монастырь, влачивший довольно-таки жалкое существование, был упразднен, а храм стал кладбищенским. Игуменья Иулиания, во гневе покидая Гришкин холм, обернулась и произнесла проклятие земле сей. И в народе кладбище стало считаться местом опасным. Но долгое время подтверждений этому не находилось. Следующая гроза разразилась при отпевании

модного в середине XIX века поэта, сына предводителя уездного дворянства Василия Михайловича Коневича, убитого разбойниками, а возможно, и своими же крестьянами, как полагали, за амурные дела среди крепостных. Почему его решили отпевать в Утятине, а не в Конь-Васильевке, родовом имении Коневичей, неизвестно. Но после того, как гроб с телом покойника доставили в храм, началась сухая гроза. В колокольню ударила молния, деревянная церковь вспыхнула как солома. Служители успели покинуть храм, но гроб вынести не смогли. На месте пепелища не нашли никаких следов. Отслужили молебен и устроили кенотаф на Коневском кладбище. А на Утятинском кладбище началась какая-то чертовщина. К горожанам, посещающим могилы, стал являться некий демон и вести соблазнительные речи. Кто-то соблазнялся, кто-то бежал исповедоваться. Кладбище вновь освятили, хотя, говорят, это не положено. Но демон продолжал соблазнять утятинцев. Несколько лет в городе царил разбой и лихоимство. Затем на кладбище поселилась юродивая во Христе Агния и отстояла-таки погост от нечистой силы. А храм, на этот раз уже каменный, был построен в 1869 году на средства святителя Иоилы, епископа Ногайского. И простоял почти полвека, пока в мае 1917 года в него не ударила молния. В результате обрушился главный купол храма и пошли трещины по стенам. Службы прекратились. Долгое время собор был в запустении. А в 1919 году произошло событие, после которого вновь заговорили о демоне.

Из Васильевки привезли тело председателя комбеда Петра Чирка, который, впрочем, при рождении был наречен Петром Ветошниковым. Человек он был незаурядный. Не завершивший учебу в университете по причине ареста и высылки из столицы, на родине он занимался историческими изысканиями, писал стихи, пьесы. Погиб он вместе с продотрядом, но его решено было похоронить с особой революционной торжественностью. Надо сказать, к тому времени городское кладбище заняло склон Гришкина холма где-то на две трети, но выше подниматься не осмеливались. Могилу для Чирка вырыли на самой верхней точке холма, чтобы со временем поставить над ней памятник из красного гранита в виде знамени, который будет виден издали. Когда опускали гроб... нет, не подумайте, гроза не разразилась, тем более, был октябрь. Гроб провалился, и вместе с ним провалился один из опускавших его. Нашелся храбрец, который согласился, чтобы его опустили на веревке в яму. Оказалось, что под холмом находилась пещера, скорее всего, из тех, в которых в первые годы существования монастыря жили монахи. Извлекли и гроб, и тело могильщика. Место захоронения перенесли поближе к храму, мол, все равно его скоро разберут. На этот раз земля не разверзлась, но вновь поползли слухи о демоне. Якобы можно прийти на кладбище и вызвать демона, который в обмен на душу согласится уничтожить любого твоего врага. Так ли, нет – не знаю. В других краях и без демона в то время много людей полегло.

В 1927 году накануне празднования 10-летия Великой Октябрьской революции местные комсомольцы решили вывесить красные флаги на самых высоких зданиях города. Делали это во избежание возражений со стороны темных родителей ночью. Флаги вывесили на пожарной башне, на флюгере «дома с башенками» и на двух городских церквях – на колокольне действующего собора Петра и Павла и разрушенном барабане Архангельской церкви. Сторож Петропавловского собора переждал нашествие комсомольцев, а после их ухода флаг снял. А над Архангельской церковью флаг развевался до полудня, пока кто-то из проезжавших мимо начальников не счел это неуместным. Учитель физкультуры из второй школы Варфоломеев, известный в городе под кличкой Сандропыч снял флаг. Но в ту же ночь в городе послышался грохот. Нет, это была не гроза. Наутро все увидели, что обрушился барабан центрального купола и часть стены храма. Верующие увидели в этом кару Господню, атеисты – следствие того, что по аварийной стене лазили люди. Через несколько лет развалины разобрали, а из кирпичей был построен в городе клуб имени Петра Чирка.

Шли годы. В кладбищенской ограде стало тесно. Открыли новое кладбище, прирезав к старому часть территории бывшего кирпичного завода, а на старом кладбище хоронили лишь

имевших там родовое захоронение. У многих возникал соблазн захватить участок на старом кладбище. И постепенно захоронения поднимались по уступам холма, не затрагивая, однако, плоской его вершины. Наступил момент, когда памятники окружили ее, и вот могилу начали рыть на верхней плоскости.

Краевед П.П.Алексюта, сын художника, много лет занимался изучением истории Озерского монастыря. Он утверждал, что под зданием церкви издревле существовал подземный ход, который соединял несколько подземных залов, используемых для укрытия от врагов, а может быть, и для укрытия от властей разбойничьей дружины Федоса Кайло. Называл краевед этот подземный этаж криптой. А народ стал называть Криптой голую вершину кладбищенского холма, не задумываясь о значении этого слова. В такую полость и провалился очередной покойник, и вновь была жертва среди провожавших его в последний путь. После этого сорок лет никто уже не покушается на вершину. Почему же вдруг возник ажиотаж вокруг Утятинского кладбища? Вы бы видели, сколько сатанистов беспокоит прах усопших горожан! Мрачные немые юноши и девушки, раскрашенные под нечистую силу, подъезжают к кладбищу на рейсовых и даже экскурсионных автобусах, поднимаются на Крипту, разуваясь, выворачивают карманы и ходят по поляне, где прежде стоял храм, ожидая встречи с демоном. Достоверных сведений о состоявшихся контактах пока не поступало, однако нашествие продолжается. И ладно бы эти ряженые ребяташки! Есть ведь еще и другие слабые на голову граждане, которые всерьез надеются, что в обмен на их неширокую душу подземный киллер возьмется за истребление кредиторов и наследодателей. Как остановить эту вакханалию, я не знаю. Могу только призвать граждан верить в добрые сказки и не пытаться воплотить в жизнь злые.

Кристина Петрова».

Татьяна Ивановна закрыла глаза. С улыбкой вспомнила, как в детстве боялась кладбища, несмотря на то, что ежедневно ходила мимо него в школу и обратно. А страшные истории, которые они рассказывали друг другу в пионерском лагере после отбоя! А обычай среди подростков ходить на кладбище в полночь и пугать друг друга! Она сама с Густавом как-то залезла на кладбищенскую ограду и оттуда опустила на шею Ленке Тумбе веночек. Ох, и визгу было! И как ей влетело потом от бабушки Ирмы, хотя зачинщиком был, конечно, Густав. Как плакала она, уткнувшись в колени бабушки Сони, а она укоряла ее своим мягким с легким акцентом голосом, что Густав гость, а ей пора поумнеть.

Туминская, конечно, дура, но и ты, Кристина Петрова, не права. Добрые сказки любят только маленькие дети. Подрастая, мы теряем доброту, а вместе с ней и интерес к добрым сказкам.

Татьяна Ивановна не заметила, как заснула. Во сне она улыбалась. Ей снилась бабушка Соня, стоящая на берегу Чирка и зовущая их с Густиком из воды и мама, сидящая в лодке.

Поезд прибывал на 88-й километр вечером. Но Татьяна Ивановна знала, что автобусы на Уремовск ходят допоздна, и не сомневалась, что скоро будет в Утятине. Однако, кассирша сказала: «Только до моста, последний рейс без захода в Утятин». В некоторой растерянности Татьяна Ивановна отошла от кассы. Конечно, от моста километров 5 до Уятин. В детстве она ходила этот расстояние дважды в день из Васильевки и обратно, да и сейчас легко бы дошла. Но стертые до мозолей пятки... Да, деваться некуда. Татьяна Ивановна полезла в автобус.

Автобус плавно отошел от станции. Дорога была без выбоин, машина новая, не трясло, поэтому Татьяна Ивановна вновь задремала. Сквозь сон она слышала, как впереди сидящие женщины обсуждали тяжелую болезнь тети одной из них. Слова «впору демона о смерти попросить» прервали ее дремоту. Собеседница принялась плевать и креститься: об этом и говорить грех, тем более к ночи... А Татьяна вспомнила, что нужно предупредить Кожевниковых о приезде. Телефон она отключила, когда вышла из дома. Полезла в сумку, включила, и тут же раздался звонок. Просто чудо, звонила Таня.

– Как дела, тетка? К нам не собираешься?

– Ты не поверишь, только отъехала от 88-го. Минут через 15 буду на мосту. Не встретите? Я буду стоять на заводской остановке.

Таня завопила:

– Не вздумай! Стой... – еще что-то неразборчивое и связь прервалась.

Татьяна Ивановна подула в трубку и бросила ее в сумку. Так или иначе, ее встретят. Подняла глаза и наткнулась на взгляды сидевших впереди женщин. Взгляды были странные.

– У меня что, розочка на лбу выросла? – противным голосом спросила она. Сама от себя не ожидала. Татьяна Ивановна почти сорок лет проработала в регистратуре районной поликлиники, и выдержки ей было не занимать. Соседки дружно отвернулись и склонились друг к другу, перешептываясь. В это время по проходу двинулся народ. Прошла женщина с девочкой-подростком и супружеская пара средних лет. Прохромал невысокий худой старичок. Пересмеиваясь, прошла молодая пара. Поспешно выбрались из кресел и стали пробираться по проходу впереди сидевшие соседки. Автобус затормозил. Здесь начиналась транспортная развязка.

– Мо-ост, – пропел шофер. – Демоны, на выход!

Сидящие в автобусе захихикали. Послышались шуточки насчет того, кого следует зака-зать. Татьяна Ивановна неуклюже выбралась из кресла и пошла к выходу.

Ступив на обочину, она увидела несколько машин, стоящих друг за другом. Возникла мысль: может кто-нибудь подвезет? Прямо перед автобусом стояла «Скорая помощь», дальше – серебристый «Соболь» и еще какая-то легковушка. Но путь к ним заслоняли парень с девушкой и старик. В это время «Скорая» вырулила налево и поехала вперед. За ней следом двинулись легковушка и микроавтобус. С легким хлопком закрылась дверь автобуса, и он уехал, газуя. Трое стоящих рядом с Татьяной Ивановной быстро перешли через дорогу и стали спускаться по ступенькам под мост. «В Васильевку пошли» – подумала Татьяна Ивановна и повернулась к ступенькам на утятинской стороне. Только взялась за перила, как из-под моста друг за другом проехали в сторону города совершившие за это время круг два микроавтобуса и легковая. Стало тихо. Татьяна Ивановна спустилась на дорогу и, прихрамывая, двинулась в сторону остановки.

Тускло светила луна. Дорога здесь была с небольшим подъемом. Еще пара километров, и она достигнет высшей точки и затем пойдет вниз, сначала с небольшим уклоном, а достигнув кладбища – круче, и так до моста через протоку. Если бы не натертые пятки, Татьяна Ивановна дошла бы до города минут за 40.

Вот и остановка. С тех пор, как закрыли кирпичный завод, ею по назначению не пользовались. Она подсветила телефоном, принялась, и войти под навес не решилась. Поставила сумку на перила, пристроилась рядом с ней, со вздохом облегчения скинула туфли, поставила натруженные ноги на них и огляделась. Спускался туман. Был он каким-то неравномерным, как облака в горах. Вспомнилось, как лет 40 назад после танцев летели они здесь на мотоцикле с Юркой Петровым. Дорога еще была грунтовая, не выровненная, и они то взлетали на вершину очередного холма и оказывались под ярким светом Луны, то ныряли вниз и погружались в какой-то кисель. Тогда Луна светила ярче. Или глаза яснее видели. Да, прошла жизнь... Сердце сжало, стало трудно дышать и даже, кажется, похолодало. Вдруг послышался шум шагов. «Странно, – подумала Татьяна Ивановна. – Вроде бы машины не подъезжали». Она поглядела назад. Со стороны моста в тумане двигались неясные тени. Первым появился очень худой нескладный парень. Он шел, не поднимая головы и шаркая ногами. За ним на дороге показались четверо: по ближней к Татьяне Ивановне стороне шла девочка лет восьми в мятом пальто не по росту, в паре шагов сзади – два подростка, а по дальней стороне дороги – хромая бабка.

– И куда это вы идете в такую пору? – спросила Татьяна Ивановна.

– На кладбище! – каким-то грубым басовитым недетским голосом ответила девочка.

– Ночью-то что там делать? – удивилась Татьяна Ивановна.

– Надо! – ответила девочка и затащила «Коневскую»:

Зайчик спит в зеленой травке,

Змейка ползает в канавке,

И зажмурила глаза

Под березою коза.

В руках девочки был какой-то тряпичный клетчатый заяц. Под расстегнутым пальто на платье тоже была какая-то бледная аппликация в форме зайца. Или грязная игрушка отпечаталась на платье? Тут один из подростков взял девочку за руку и подхватил:

Не звени, мошкара,

Все заснули до утра!

Дети прошли. Вслед за старухой по дальней стороне дороги шла, четко печатая шаг, какая-то нескладная фигура. Наблюдая за детьми, Татьяна Ивановна не глядела на нее, и только когда вслед за парнем дети действительно свернули направо, на дорогу, ведущую к новому кладбищу, она подумала, что же в ней необычного? Короткое туловище и длинные ноги в галифе и сапогах. Да нет же, нормальная фигура, только за туманом головы не видно... Тьфу, привидится же такое... Если бы еще пожить, так пора операцию на глаза делать...

А в это время с ней поравнялась еще одна нескладная фигура. Впрочем, чего же в ней нескладного? Просто беременная.

– Дочка, а ты куда одна на таком сроке?

– На кладбище... – тихим бесцветным голосом ответила она.

Тут уже Татьяна Ивановна не выдержала. Выскочила на дорогу и обхватила ее руками. Беременная стала оседать. Что-то полилось на дорогу.

– Мне надо... надо... – шептала беременная.

– Да что вы тут творите! Тебе о ребеночке нужно думать! Сейчас возьму телефон и вызову скорую! – но никак не могла выпустить из рук женщину, безвольно повисшую у нее на руках. – Тебя как зовут?

– Таня! Таня! – неожиданно громко закричала беременная и направила свет фонарика в лицо Татьяне Ивановне.

Татьяна Ивановна непроизвольно зажмурилась, а затем открыла глаза. Она сидела, привалившись к остановке и обняв сумку. Чуть дальше, минуя ее, остановилась машина. Из полуоткрытой дверцы выглядывала Таня и дрожащим своим тонким голосом спрашивала: «Таня?». Подхватив сумку и натянув туфли, Татьяна Ивановна захромала к ней. Усаживаясь на заднем сиденье, она подумала: «И приснится же такое!» С водительского сиденья улыбался сын Тани Ромка. Машина чуть проехала вперед, и, развернувшись, помчалась в сторону Утятина. Когда проезжали остановку, Татьяна Ивановна увидела, что напротив нее на асфальте расплывается большое мокрое пятно.

Таня носила тарелки во двор, где за летним душем стоял покрытый клеенкой стол.

Татьяна Ивановна бросила на веревку плащ:

– Не отстирывается, зараза! Придется завтра что-нибудь купить.

Приехав к Кожевниковым, она обнаружила на животе большое липкое пятно. Пока Таня собирала на стол, Татьяна Ивановна всевозможными средствами отстирывала плащ.

– Говорила я тебе, стой на мосту. На этой дороге у всех неприятности. Ладно, не горюй, подруга. Открой в прихожей шкаф, там у меня висит плащ с подстежкой. В прошлом году пару раз надела, а теперь не лезет. Дарю!

– Да мы с тобой в одной весовой категории...

– Не-ет, ты здорово похудела. Не поделишься, как?

– Тебе такого не надо.

– Колись... Ладно, потом расскажешь.

Тане чуткости не занимать. Как странно, что Татьяна Ивановна, до 18 лет жившая в Утятине и имевшая здесь кучу друзей и знакомых, после смерти мамы останавливалась у Кожевниковых, с которыми познакомилась, когда продавала им мамину квартиру. Валерку, впрочем, она знала по Васильевке и по школе, но только потому, что была в его классе пионервожатой. Таня тоже из Васильевки, и по девичьей фамилии Васильева, но десятью годами моложе Татьяны Ивановны; естественно, что в юности на таких малявок не обращаешь внимания. Выйдя за Валерку, Таня стала полной ее тезкой, тоже Татьяна Ивановна Кожевникова.

Через забор послышался крик:

– Ау, соседи! Чей голос слышу, не Танюхин?

– Таиска, привет! Давай сюда!

– Сейчас, только за смородиновой слазаю!

С приходом Таисии стало шумно. Она сыпала утятинскими сплетнями, сама первой смеясь своим шуткам. Не зная всех ее обстоятельств, можно было подумать, что все у нее в порядке. Моложавая, подтянутая, всегда с улыбкой на лице. После выхода на пенсию подрабатывала уборщицей, где только могла: в музыкальной школе, на рынке, на почте. Но денег вечно не хватало. Ни девяностолетняя по-прежнему властная мать, ни парализованный муж, ни претензии дочек, ни болезни внуков, казалось, не нарушали ее безмятежности. Рассказывала она о какой-то Катюхе, продавщице с рынка, как она выживала гостей Ирки Наппельбаум, навязав соседке настройщика рояля, которому сплела историю своего незаконного рождения от еврейского папы этой самой соседки. Никого, кроме Иры, Татьяна Ивановна не знала, но слушать было все равно интересно.

– Глаз подбит, а у Гены морда расцарапана. И улыбка от уха до уха у обоих.

– Не понимаю, как можно это терпеть.

– А что тут понимать? Гена до Катюки пол Утятина обгулял. А с Катюкой он уже 8 лет, и ни одного похода налево. Значит, она для него идеал жены.

– Ничего себе идеал!

– Да, идеал, и не все его находят. Помнишь, был у нас такой первый парень на деревне, по которому все мое поколение сохло, Юрка Петров? Ой, Тань, прости...

– Да не грузись, уж лет 35, как отболело – отозвалась Татьяна Ивановна, продолжая резать хлеб. – Так что насчет Юрки?

– Правда не обиделась?.. Ну, как ты думаешь, если бы у вас тогда свадьба состоялась, жили бы вы сейчас?

– Нет, конечно, нет.

– А почему, как ты думаешь?

– И что тут думать? Кобель – он и в Африке кобель. Лена Шпильман его лет пятнадцать ждала, замуж вышла уже под тридцать, а он ведь все равно гулял.

– Во-от. Кавалерам такого типа нужен цирк, иначе скучно. Это великое счастье Гены, что он такую артистку нашел. Ты думаешь, им бабы нужны? Им приключения нужны... Ой, помидорчики!

– Таня, узнаешь? Это твой засол. Последняя баночка.

– Да я у вас два года не была.

– Специально для гостей берегла. Я по твоему рецепту делаю, но получается совсем не то.

Ромка схватил со стола помидорку, получил от матери полотенцем по спине, засмеялся и унесся куда-то на машине.

Татьяна Ивановна сказала:

– Я там, на терраске, в ящиках сливки видела. Хочешь, замариную?

– Ой, мне неудобно, вроде я напросилась...

– Да ладно, я давно уже дома ничего не делаю. Хоть в гостях вспомню старину. А вот и хозяин! Давайте садиться.

Однако Валера, поздоровавшись с Татьяной Ивановной, стал вызванивать сына. Сказал только, что они попозже подъедут. Стали грузить в багажник какие-то железки. Женщины приняли по первой и затащили:

– Уж ты сад, ты мой сад, сад зелененький...

Мужики при этом перемигнулись, и после слов «ты зачем рано цветешь» вступили басами «осыпаешься» и захохотали. Татьяна Ивановна восхитилась:

– Ой, мальчики, как красиво!

Действительно, прозвучали их басы как в настоящем хоре. Закончив погрузку и кинув: «Мы в Кожевники», мужики уехали.

Подруги ужинали, болтали, пели, смеялись. Вдруг с улицы послышался звук сирены, не то полицейской, не то «Скорой помощи». Таня взглянула на часы: «Боже, первый час! Где мои до сих пор?», – и стала звонить. Телефон Валеры был недоступен; Ромка, скороговоркой бормотнувший «мам, мы попозже», тоже отключился. Стало как-то не по себе. Вдруг зазвонил телефон Таисии. Посмотрела:

– Бабка моя, – и отвечать не стала.

Снова звонок:

– Дочь... Нин, ну ты что? А? Когда? И как? Я у них... А мастерская? Слава Богу! Ладно, давай! Тань, ты только не волнуйся, в Кожевниках пожар, Мироновы погорели. Твои мужики пожарным помогают, их много там. Да не реви, мастерская ваша цела. И мужики целы, не ори! Не ори, говорю, твои живы и здоровы! А Мироновы, похоже, сгорели все...

– Как все? И ребятишки?

– Вот они-то и сгорели. И Шлёп-нога. Ладно, пойду я, дома одни инвалиды, не дай Бог что. Ну, мне теперь бабка устроит Варфоломеевскую ночь.

Таисия ушла. Таня трясущимися руками стала собирать со стола. Татьяна Ивановна перехватила ее, когда она понесла тарелки в дом.

– Таня, успокойся. Твои еще не ужинали. Давай тарелки перемоем, горячее разогреем, а нарезку и салаты оставь.

Они прибрали на столе и уселись в ожидании. Периодически Таня щупала чайник и уносила его разогревать. Когда она вскочила в четвертый раз, заурчал мотор. Во двор друг за другом въехали девятка и микроавтобус со стойкой для перевозки оконных рам (Кожевниковы владели фирмой «Окна, двери»).

– Пап, ты в ванную? – Ромка схватил со стола стакан с соком и выпил залпом. От него резко потянуло гарью. – Ну, мам, ну не ной. Все у нас в порядке. Все, я в душ!

Валера как-то заторможено, словно через силу, двинулся в дом. Таня кинулась следом, причитая: «Ты что же это творишь, идол?» Татьяна Ивановна снова перехватила ее.

– Тань, дай ему хоть обмыться, потом за столом поговорим спокойно.

Прошлепал из летнего душа завернутый в полотенце Ромка. Вернулся из дома уже одетый и стал жадно хватать с тарелок все подряд. Мать отвлеклась на него, а в это время вышел и Валера. Сунул что-то в рот и застыл, как будто бы не было сил проглотить. Глядя на него, Татьяна Ивановна вдруг испугалась. Только теперь до нее дошло, что произошло что-то страшное, а они с Таней просто не понимают.

– Тань, – сказала она веселым голосом. – А с хозяином я даже не выпила. Не будешь ругаться, если мы на брудершафт?

Таня ошарашено смотрела, как Татьяна Ивановна берет два стакана из-под воды, наливает в них водки почти до краев и подает один из них Валере. Валера с отсутствующим видом продолжал сидеть, не прикасаясь к стакану. Татьяна Ивановна вложила ему стакан в руку и даже поднесла ко рту. Он выпил и закашлялся. Она ткнула его вилку во что-то и сунула ему в рот: «Закусывай, Валерочка!» Он сидел над тарелкой, не поднимая глаз, но начал есть. Жена и сын глядели на него совершенно одинаковыми испуганными глазами. Татьяна Ивановна плес-

нула из своего стакана в его примерно половину: «а вот мы сейчас по второй!». Валера выпил уже самостоятельно. Посидел с минуту и поднял на нее глаза, в которых стояли слезы.

– Таня, они там как головешки. Как веточки обгорелые.

– Ты ешь, Валерочка, ешь...

– А Олю перевернули... а под ней заяц... Заяц цел, а Оли нету...

Татьяна Ивановна спросила внезапно охрипшим голосом:

– Клетчатый заяц?

– Ну да, она с ним никогда не расставалась. Как лежала... На платье он отпечатался...

Татьяна Ивановна, чтобы занять чем-то руки, стала сдвигать посуду. Поменяла стаканы местами. Валера снова выпил.

– Она постоянно ко мне в мастерскую лазила... Если ворота закрыты – через забор перелезет. Я ей всегда бутерброды оставлял... а как она рубанком работала! Ромка в детстве инструментами не интересовался... а девочка... никому она не нужна была... А у нас дочери... не случилось...

Валеру развезло. Он уже бормотал совсем невнятно. Татьяна Ивановна сказала:

– Что-то совсем комары заели. Пошли в дом. Ром, помоги отцу.

Ромка подхватил отца под руку и повел его к дому. Женщины стали собирать посуду.

Таня вдруг спросила:

– Таня, я бессердечная, да?

– Да Господь с тобой!

– Я ведь не знала, что он удочерить ее хотел. И он мне даже не сказал ничего. А я всегда раздражалась, когда она у нас крутилась.

– Таня, не психуй. Девочка из неблагополучной семьи, вконец испорченная. Вы бы с ней не справились.

– Слушай, а откуда ты их знаешь? Ты ведь в Утятине два года не была. А Мироновы в прошлом году к бабке переехали.

– Да Таиска рассказывала. Ты что, не слышала?

Таисия, конечно, ничего про Мироновых не говорила. Но не рассказывать же Тане свои сны...

ИСКУШЕНИЕ

Кожевниковы встали рано. Ещё семи не было, как начались сборы. Периодически Таня шикала на своих мужиков, напоминая, что гостья спит. Какой уж там сон! Татьяна Ивановна, зевая, вышла из зала, где ей постелили с вечера, и сказала:

– Ладно вам шептаться, не сплю я! Таня, у тебя цветы есть?

– На кладбище пойдёшь? Вдоль забора хризантемы хорошенькие. Рви хоть все. У твоих я перед Успеньем убирала. А у тётки с дядей, извини, не бываю. Только, пожалуйста, иди с утра.

– Это ещё почему?

– После двенадцати там начинается всякая чертовщина. И не кривись, вон плащ вчера загубила.

– Ладно, как скажешь. А Валерку зачем с собой берёшь? Он же никакой.

– Пусть перед глазами будет. И на погрузке пригодится. А вечером я ему сама налью. Тут поможет только длительный запой.

Хозяева уехали. Татьяна Ивановна вышла во двор. Утро было ясное, но довольно холодное. Решила: к полудню потеплеет, тогда и пойду, а пока займусь консервацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.